УДК: 329.05 DOI: 10.22394/2071–2367–2019–14–2–127–143

ЭВОЛЮЦИЯ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ

***Жуков В.Н.*[1]**

Целью статьи является анализ институциональных условий и ограничений развития партийной системы нашей страны, препятствующих эффективному выполнению этим институтом функций обеспечения представительности, публичности и состязательности политического процесса.

Методология исследования основана на принципах институционального подхода, который позволяет оценить характер влияния на процессы партийного строительства таких факторов, как тип избирательной системы, нормы партийного законодательства, сильная президентская власть.

Автор доказывает, что избранное в начале 2000-х годов направление партийной политики, заключавшееся в развитии инструментов контроля над партиями и электоральными процессами, привело к формированию такой партийной системы, основные акторы которой, в том числе уже давно играющие роль парламентской оппозиции, не получают достаточной поддержки избирателей и не пользуются их доверием.

При этом региональная практика показывает, что существующая партийная система в принципе может отражать основные политические интересы и создавать каналы их выражения.

В *результате исследования* доказывается, что партийные реформы могут быть эффективными в рамках «поворота» государственной партийной политики, предполагающего не только корректировку институциональных условий деятельности политических партий, но и обращение к гражданскому обществу как к субъекту, главному актору в процессах партийного строительства.

Ключевые слова: политические партии, партийная система Российской Федерации, многопартийность, политические процессы в постсоветской России.

Жуков Вячеслав Николаевич — аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Воронежский филиал, адрес: 394005, Россия, г. Воронеж, Московский пр-т, д.143, e-mail: vnzhukov136@gmail.com

EVOLUTION OF THE PARTY SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS AND TRENDS

ZHUKOV V.N. – Postgraduate student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Voronezh branch (Russian Federation, Voronezh), e-mail: vnzhukov136@gmail.com

The purpose of the article is to analyze the institutional conditions and limitations of the development of the party system of our country, which impede the effective performance by this institution of the functions of ensuring the representativeness, publicity and competition of the political process.

The research methodology is based on the principles of an institutional approach that allows assessing the nature of the influence on factors such as the type of electoral system, norms of party legislation, and strong presidential power on party building processes.

The author argues that the party policy direction chosen in the early 2000s, which consisted in the development of instruments of control over parties and electoral processes, led to the formation of such a party system, the main actors of which, including those that have long been playing the role of parliamentary opposition, do not receive sufficient voter support and do not enjoy their trust.

At the same time, regional practice shows that the existing party system, in principle, can reflect the main political interests and create channels for their expression. As a result of the research, it is proved that party reforms can be effective in the framework of the "turn" of state party policy, which involves not only adjusting the institutional conditions for political parties, but also turning to civil society as a subject, the main actor in party building processes.

Keywords: political parties, party system of the Russian Federation, multi-party system, political processes in post-Soviet Russia.

Введение

Становление стабильной партийной системы традиционно рассматривается, считается одним из критериев консолидации демократии. Также в современных условиях можно говорить об универсализации института политических партий, поскольку он становится одним из главных механизмов связи между правящими элитами и широкими слоями общества не только в демократических странах, но и в автократиях различного типа. Безусловно, положение партий в странах либеральной демократии отличается от того, какое место они занимают и какие функции выполняют в режимах, обозначаемых как электорально-авторитарные, гибридные или «нелиберальные демократии». Однако в последние десятилетия в так называемых «старых демократиях» институт политических партий также

претерпевает изменения: трансформируются их функции, механизмы взаимодействия с избирателями, модели межпартийного сотрудничества, изменяются и некоторые партийные системы, казавшиеся устойчивыми и стабильными. Эти изменения заставляют переосмысливать теоретические представления о роли партий.

При этом в ряде государств, относительно недавно перешедших к политическому плюрализму, складываются своеобразные национальные модели партийных систем. Эти процессы также по-разному осмысливаются в научной литературе. Существующие объяснительные модели предлагают широкий диапазон оценок партийных систем в «новых демократиях» – от критики с точки зрения их несоответствия классическим моделям и признания «имитационного» характера политических партий до обоснования их высокой эффективности в своеобразных условиях переходных обществ.

Российская партийная система также вызывает противоречивые оценки, обусловленные объективными проблемами ее развития. Стабильность партийной системы РФ сочетается с низким доверием к институту партий, электоральным процедурам и представительным органам. Иерархический же характер партийной системы также может оцениваться и как препятствие развитию на основе учета интересов различных сегментов российского общества.

Становление и развитие партийной системы РФ: институциональные условия и ограничения

Ведущие исследователи политических партий сходятся в том, что этот институт является ключевым в демократических политических системах. С.М. Липсет отмечал, что партии являются незаменимыми для демократии, а в стабильных демократических системах они обеспечивают консенсус, опираясь на поддержку всех крупных сегментов общества. Дж. Сартори считал, что в условиях политического плюрализма, понимаемого как свободная конкуренция разнообразных групп, роль главных субъектов этого процесса исторически закрепилась за политическими партиями как структурами, наиболее приспособленными для целей коммуникации между государством и гражданским обществом. Теоретики системного подхода сходятся в том, что политические партии играют существенную роль в процессе артикуляции политических интересов. Если же говорить об агрегировании политических интересов, то в современных демократиях партии являются главным институтом, выполняющим эту функцию, поскольку они способны обеспечить представительность, публичность и состязательность этого ключевого политического процесса.

С точки зрения нормативной теории демократии в так называемых «новых демократиях», т.е. в государствах, где конкурентная открытая политическая модель стала складываться в период третьей волны демократизации или позже, одной из главных проблем является включение широких слоев населения в

процессы артикуляции и агрегирования интересов. Это определяет принципиальную важность политических партий и то внимание, которое обычно уделяется партийной политике. Также на формирующуюся партийную систему возлагаются и другие важные задачи, от успеха реализации которых во многом зависит успех демократического транзита. Прежде всего это политическая социализация граждан, которым необходимо усвоить новые нормы политического поведения и получить позитивный опыт политического участия. Также партии помогают в процессе рекрутирования элит в условиях политического плюрализма и способствуют становлению нового типа лидерства. На партии в определенной степени ложится задача развития механизмов контроля в процессе реализации политического курса. Партии могут способствовать развитию координации между политиками на основе единых программ, а цикличность электорального процесса должна повышать ответственность за принимаемые решения. От успеха закрепления партий в роли такого многофункционального института и от эффективности партий, выполняющих столь разнообразные и важные задачи, во многом зависит стабильность системы в целом, в частности, высокая легитимность партий способна снизить риски отступления от демократических норм как властью, так и оппозицией.

Однако фактическая роль партий в странах, вступивших в фазу демократического транзита в течение последних десятилетий, может быть несколько иной, что зависит от множества факторов, среди которых есть как социокультурные, так и институциональные. Если говорить о группе институциональных факторов, то прежде всего следует принять во внимание особенности разделения властей. Так, в президентских системах политический вес парламента как главной арены публичной активности партий может быть сокращен, президент при этом может выступать как надпартийный общенациональный лидер. В этом случае роль партий в выполнении вышеназванных функций из центральной превращается скорее во вспомогательную. Партии могут оттесняться на периферию политической жизни. Подобная ситуация может возникнуть вследствие особенностей политического развития новой демократии, например, стать результатом конфликта между ветвями власти, как это произошло в 1993 г. в России. Закрепленный в Конституции 1993 года результат конфликта, окончившийся «победой» исполнительной власти над законодательной, в 90-е гг. привел к затруднениям: ослабив парламент и, соответственно, партии, власть испытывала дефицит каналов связи с обществом.

В качестве других примеров президентских систем со слабыми партиями можно привести Венесуэлу, Беларусь, Узбекистан, Казахстан. В подобных политических системах развитие института партий может происходить по разным сценариям. В некоторых случаях могут создаваться своеобразные «партии власти» (Нур Отан в

Казахстане) – высокоинституциализированные и бюрократизированные организации, поддерживающие политический курс президента и отчасти разделяющие политическую ответственность за него. Это могут быть и более аморфные структуры, как, например, Большой патриотический полюс Симона Боливара, сформировавшийся как широкий избирательный альянс левых сил в поддержку кандидатуры У. Чавеса на выборах в Венесуэле в 2011 г. Такие структуры занимают положение доминирующих партий. Они служат центром притяжения для самых разнообразных групп интересов и выполняют также важнейшую роль консолидации элит. Другая модель развития президентской системы вообще не предполагает опоры на институт партий, как, например, в Республике Беларусь, где повышению роли партий препятствует мажоритарная избирательная система, применяемая на выборах в национальный парламент, а также используются иные, не связанные с партийным строительством инструменты контроля над элитами. Мажоритарная система используется и на парламентских выборах в Узбекистане, однако эта страна отличается меньшим партийным плюрализмом при относительной слабости партий в силу того, что их деятельность жестко регламентирована, так же как и в системах с «партиями власти», используемыми как инструмент для контроля над элитами.

Подобные институциональные ограничения развития партийной системы действуют и в России. Выбор президентско-парламентской формы правления обусловил некоторые трудности формирования партийной системы, поскольку правящая элита в ней носит внепартийный или же надпартийный характер. Выборы президента, проводимые по классической мажоритарной системе, альтернативу которой в данном случае трудно предложить, влияют на стратегии политических партий. Пока партийная система не стабилизировалась, многие партии были заинтересованы в увеличении влияния через выдвижение своих кандидатов в президенты. При этом особенности политической системы не поощряли серьезного коалиционного взаимодействия между ними, поскольку партийный состав парламента не влияет на формирование правительства. Эти обстоятельства способствовали фрагментации партийной системы.

Итак, молодые российские партии, даже представленные в парламенте, не могли последовательно реализовывать свои партийные программы, поскольку политика зависела от позиции президента, а не от соотношения политических сил в Государственной Думе. Ни партийная программа, ни коалиционное соглашение просто не могли быть основой правительственного курса, определяемого прежде всего позицией главы государства. Внепарламентское формирование правительства на основе президентского большинства не способствовало повышению роли партий и в политическом сознании избирателей, для которых главными выборами становились выборы главы государства. Слабость традиций парламентаризма и политического участия только усиливала данный эффект.

В таких условиях содержание партийных программ и партийных идеологий теряло свое значение. Избиратели могли оценивать их преимущества и недостатки лишь умозрительно, так как в практической политике они не воплощались. Для партий в такой ситуации выгоднее было заменять хорошо разработанные экономические и социальные программы популистскими лозунгами. Таким образом создавались условия для формирования условия для небольших, идеологически не определенных и персонализированных партий, что, конечно же, не способствовало скорейшей институциализации партийной системы государства.

Особенности институционального дизайна молодой российской демократии обусловили и то, что дуализм «правящая партия – оппозиция» в российском контексте получил несколько иной смысл, чем, например, в парламентских системах, подобных Великобритании или ФРГ. «Параллельная» легитимность институтов президента и парламента, то есть избрание их всеобщим голосованием, создает ситуацию, когда несовпадение президентского большинства с парламентским создает почву для конфликта. Многие устоявшиеся демократические системы в процессе своего развития выработали механизмы, позволяющие институциализировать этот конфликт в рамках систем «сдержек и противовесов». Стабилизации может также способствовать складывание устойчивой двухпартийной системы, в которой каждая из ведущих партий обладает достаточным потенциалом для обеспечения победы на президентских выборах. Но двухпартийная система может обеспечить стабильное развитие в том случае, если между основными конкурентами достигнут консенсус по поводу базовых ценностей. В начале же процесса демократизации конкурирующие политические силы могут выступать сторонниками противоположных траекторий развития, и в России оппозиционность парламента в период после выборов 1993 и 1995 годов побуждала президента активно использовать свое конституционное право издавать указы, имеющие силу закона. В такой ситуации президент не мог осуществлять эффективное управление, не опираясь на поддержку парламента, что тормозило процессы реформирования.

Для президента в подобной ситуации возможной стратегией является опора на политическую партию, обеспечившую его победу на выборах. Желательно также, чтобы эта партия формировала и парламентское большинство. Она может также выполнять и иные функции, служа инструментом контроля над разнообразными элитами, в частности над региональными. Поэтому правящая элита прибегает к партийному строительству с использованием имеющихся ресурсов. В случае ее успеха фрагментированной оппозиции противостоит консолидированная «партия власти». Эта стратегия также соответствует особенностям формирования и функционирования современной политической элиты в России. Выстроенная в результате «партия власти» должна быть партией парламентского большинства,

служащей опорой президента как в Думе, так и в процессе выборов главы государства. Перспективы выживания такой партии зависят от степени ее соответствия этим требованиям.

Следует отметить, что конституционное положение президента и высокая значимость самого института президентства не побуждают к формированию классической «президентской партии», поскольку ее существование сделало бы главу государства зависимым от одной из элит, в то время как ему выгодней оставаться над ними, выступая в качестве арбитра во внутриэлитных конфликтах, а также выполняя функцию патронажа по отношению к самым широким слоям общества. Поэтому «партия власти» – это партия, лояльная президенту, солидаризирующаяся с его политикой, но ни в коем случае не партия, выдвигающая кандидата в президенты и реализующая таким образом свою программу. Партийная принадлежность в условиях становления многопартийности, когда количество партий, зачастую весьма слабых, было очень большим, мешала электоральным успехам, связывая кандидата с некой организованной, но находящейся в меньшинстве группой. Интересно, что такие политические объединения 1990-х годов, как «Выбор России» и «Наш дом – Россия», позиционировались как партии, поддерживающие главу правительства и само правительство, т.е. не были партиями, которые привели к победе президента. Это очень важно, поскольку именно президент является центром политической системы и связь какой-либо партии с его фигурой неизбежно усилила бы такую партию.

Таким образом, характер институциональной структуры, а именно решающее значение президентских выборов для сохранения политического режима и вектора преобразований, а также низкая роль партийности для кандидата в президенты на протяжении 90-х годов обусловили такую стратегию правящей группы, как формирование в парламенте фракции сильного пропрезидентского большинства. В результате президентских кампаний 1996 и 2000 гг. уже сформированные крупные партии, которые на тот момент были главными конкурентами будущей «партии власти» и имели при этом такое преимущество как четко выраженные идеологические позиции (например, КПРФ и «Яблоко»), были существенно ослаблены.

Если же говорить о социокультурных проблемах становления партийной системы в РФ, можно выделить такой фактор, как неразвитость демократической политической культуры и гражданского общества. К особенностям отечественной политической культуры можно отнести:

– патернализм, т.е. ориентацию на «опекающее» государство, которое берет на себя задачу решения основных социальных проблем;

– приоритет сильной власти, выраженный как в ожиданиях, направленных на политических лидеров, так и в ожиданиях относительно методов действия государства во внутренней и внешней политике;

– правовой нигилизм, выраженный в недоверии к правовым нормам в качестве регуляторов общественных отношений, представление о расхождении «права» и «справедливости».

В 1990-е годы российское общество было крайне политизировано. В массовом политическом сознании того времени отчетливо выделялись основные идеологические ориентации. Одной из них была ретроспективная коммунистическая ориентация, ее антиподом – либерально-демократическая. К концу 90-х годов интерес к политике и политическая активность граждан (кроме, пожалуй, общефедеральных выборов) существенно понизились. Несмотря на динамичный характер политических процессов в период преобразований, гражданское общество так и не было сформировано. Главным препятствием для консолидации гражданского общества в России в начале нового века считается отчужденность человека от политики. Большинство граждан не рассматривали политику как сферу реализации своих интересов. Также отчужденность сочетается с пассивной лояльностью власти, которая не способствует активизации протестных настроений, но порождает представление о том, что при определении политического курса элиты не стремятся учесть интересы общества. Это проявляется в недоверии к таким институтам, как парламент, судебная система, к политическому сообществу в целом. Консолидации гражданского общества препятствовали также расколотость социума и отсутствие консенсуса. Его институты испытывали трудности в процессе выработки механизмов самостоятельного развития, поэтому переход к эффективным формам гражданской интеграции, которые позволили бы им выступать в роли самостоятельного актора в выстраивании отношений с государственной властью, был замедлен.

В результате развитие российской партийной системы оказалось в своеобразном тупике: недостаточная развитость политических партий приводила к тому, что партийная идентификация на выборах становилась для кандидатов скорее фактором риска, чем фактором поддержки, поэтому, например, избираемые главы исполнительной власти на различных уровнях предпочитали оставаться вне партий, по примеру президента. В период становления политической системы РФ можно было говорить о развитии персоналистских и даже антипартийных тенденций в политике. Это проявилось и в росте числа «независимых» кандидатов, то есть кандидатов, не декларирующих свою партийную принадлежность и не использовавших партийные каналы для выдвижения и электоральной борьбы. В результате в России сформировалась партийная система, выполняющая функцию поддержания внутриэлитных связей и

лишь частично – функцию репрезентации интересов широких слоев общества. При этом правящая элита испытывала дефицит каналов связи с обществом, необходимых для эффективного функционирования политической системы. В результате усилилось влияние групп интересов, как региональных, так и экономических, но широкие общественные интересы остались практически не отраженными в институализированных политических организациях. Потребность в политических партиях как в институте, выполняющем важнейшие функции в политической системе демократического типа, была весьма актуальной, но дальнейшее развитие партий было невозможно без поддержки исполнительной власти.

Период до 2001 г. стал временем становления многопартийности. Для него была характерна нестабильность партийных объединений. В это время доверие к институту политических партий оставалось низким. Ситуация не способствовала развитию института партий как главного агента представительства значимых общественных интересов. Сама по себе демократическая норма политического плюрализма и ее неизбежное следствие – многопартийность без дополнительного регулирования не обеспечивали достижения своей главной цели. Некоторые недостатки, например, несовпадение законодательных норм на уровне Федерации и регионов, постепенно устранялись. Но в целом российская партийная система оставалась высокофрагментированной, что не соответствовало задаче политической стабилизации.

Принятие Закона «О политических партиях»[1] сформировало новые институциональные рамки деятельности политических партий в РФ. Принятие закона было необходимо для упорядочения партийного пространства, в котором временные объединения, лоббистские группы и неконвенциональные организации действовали под названием политических партий. Закон был призван укрепить те партии, которые стремились к выполнению главных функций, которые отводятся этому институту в рамках демократической плюралистической системы: электоральной, агрегирования и артикуляции интересов, мобилизационной, социализирующей. Но принятые меры регулирования деятельности партий не предотвратили возрастания их зависимости от «административного ресурса» и способствовали консервации недостаточно развитой партийной системы. Можно сказать, что реформа, ликвидировав многие недостатки партийной системы, так и не справилась с наиболее существенным из них – низким уровнем доверия граждан к институту партий, который в глазах избирателей оставался малозначительным.

Второй этап развития многопартийности в РФ завершился формированием

[1] Федеральный закон от 11 июля 2001 года № 95-ФЗ "О политических партиях" // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 29. — Ст. 2950.

партий, которые можно охарактеризовать как «картельные». Исследовавшие этот тип партий в условиях либеральной демократии Р. Кац и П. Мэйр констатировали, что современные партии формируют своеобразный картель, стремящийся «монополизировать» электоральное пространство, заключая договоренности между участниками – парламентскими партиями, ведя очень гибкую коалиционную политику и мобилизуя избирателей в ходе масштабных кампаний, проводимых в том числе за счет государственного финансирования. Сближение с бюрократическим аппаратом и отдаление от избирателей превращают партийную жизнь в своеобразную обособленную сферу политики, которая все дальше отходит от гражданского общества и все больше сближается с государственными институтами. Главную проблему при этом исследователи видели в том, что нарушается связь между партией и ее избирателями. Последние зачастую выступают как покупатели популярного партийного «бренда». Реальная политическая конкуренция как борьба альтернативных программ развития снижается и замещается войной предвыборных лозунгов и компроматов. Картельные партии таким образом стремятся закрепить свой парламентский статус, гарантирующий государственную поддержку При этом свое взаимодействие с избирателями они ограничивают рамками предвыборных кампаний.

«Картельные партии», представляющие достаточно схожие политические программы и объединяющие профессиональных политиков и, в случае с правящей партией, представителей административной элиты, предполагают консенсуальную демократию, предполагающую согласие по поводу правил политической игры и некоторых исходных общественных ценностей. Тем не менее некоторые особенности российской политической системы формируют отличия российских партий от классического описания партий картельного типа. Прежде всего, несмотря на стабильность российской партийной системы, ее иерархический характер, определяемый монопольным положением доминирующей правящей партии, представляет собой отклонение от первоначальной модели партийно-политического картеля, в котором обычно есть, как минимум, две партии, способные выполнять функции правящей на основе чередования у власти, или же партии, способные работать в качестве партнеров по правящей коалиции. Модель взаимодействия партий, сложившаяся в процессе развития российской партийной системы, не характеризуется ни высокой конкурентностью, ни значительным потенциалом партнерства между партиями.

Если попытаться оценить степень институциализации российской партийной системы, то можно оттолкнуться от определения С. Хантингтона, отмечавшего, что процесс институционализации предполагает, что в результате новые организационные и процедурные формы получают ценность и стабильность. При этом стабильность можно связать с самостоятельностью, адаптивностью, развитостью организационной структуры, а ценность – с легитимностью и

укорененностью в обществе.

Самостоятельность института политических партий в России ставилась под сомнение с самого начала его становления, в процессе которого, как было показано, большую роль сыграло прямое государственное регулирование. Организационную зрелость российских политических партий можно оценить достаточно высоко в том отношении, что, выполняя требования Федерального закона, все зарегистрированные партии имеют региональную сеть, а большинство из них участвует в избирательных кампаниях различного уровня. С другой стороны, такая зрелость достигается путем искусственного ограничения, устанавливаемого для организации, стремящейся получить статус политической партии.

Если же говорить об адаптивности, то в качестве ее критериев можно установить срок активности партии, участие в общенациональных выборах и их результаты. Если к 2000 году в нашей стране лишь три партии – «Яблоко», ЛДПР и КПРФ – участвовали в общенациональных выборах и получали по их результатам места в Государственной Думе, то с принятием Федерального закона о партиях ситуация изменилась. Партия «Яблоко» не смогла адаптироваться к новым условиям и не сохранила парламентского представительства. Созданная в 2006 г. партия «Справедливая Россия» с некоторыми оговорками может быть охарактеризована как достаточно адаптивная партия. Партия «Родина», успешно выступившая на парламентских выборах 2003 г., была распущена в 2006 г. После возрождения в 2012 г. партия демонстрирует невысокие электоральные результаты и по этому критерию не может быть оценена как адаптивная. Сформированная в 2001 г. «Единая Россия» демонстрирует высокие электоральные результаты и высокую адаптивность. Однако ее эксклюзивное положение в политической системе вызывает сомнения в том, что ее следует оценивать по тем же критериям, что и другие партии. Таким образом, наиболее адаптивными партиями в Российской Федерации являются КПРФ и ЛДПР. При этом несменяемость их лидеров и постепенное, хотя и неравномерное снижение электоральной поддержки на общенациональных выборах заставляют усомниться в том, что их положение следует объяснять высокой адаптивной способностью данных партий, а не консервацией самой партийной системы.

Что же касается ценности политических партий, то она вызывает сомнения по обоим критериям, поскольку и легитимность, и укорененность российских партий в обществе невысоки. Так, по данным Левада-центра, политические партии в 2009–2012 гг. занимали последние места в рейтингах доверия основным институтам политической системы. Если в период с 2009 по 2012 г. число доверяющих партиям немного выросло (с 7 до 13%), а число не доверяющих им несколько сократилось (с 34 до 28 %), все же возрастающее большинство опрошенных склонялось к тому, что партии «не вполне заслуживают доверия» (этот вариант

выбирали 39% опрошенных в 2009 г. и 48 % в 2012 г.)[1]. В период же с 2012 по 2018 г. доверие россиян к политическим партиям как к институту снизилось с 48 до 41%[2]. А неуклонное снижение явки на выборы представительных органов власти различного уровня свидетельствует о том, что эрозия легитимности связана и с отсутствием доверия к электоральным процедурам как к механизму артикуляции политических интересов широких слоев граждан.

Что касается укорененности партий в обществе, то она может проявляться в стабильности электоральных предпочтений. С одной стороны, такая стабильность отмечается в политическом сознании граждан РФ, но при рассмотрении рейтингов партий также очевидно и то, что около трети граждан заявляют о своей неготовности поддержать ни одну из парламентских партий, выбирают стратегии абсентеизма, протестного голосования или же испытывают затруднения при ответе на вопрос о своем электоральном выборе[3].

Результаты выборов последних лет показывают, что сложившаяся партийная система и ее основные игроки, прежде всего «старая» парламентская оппозиция, не пользуются в достаточной степени доверием граждан. Хотя партийная система стабилизирована (в политическом пространстве присутствуют четыре парламентские партии, среди которых выражено доминирование «Единой России»), основным электоральным ресурсом является принадлежность к «партии власти», способная обеспечить победу и в одномандатных округах, и на выборах должностных лиц. Голосование за оппозиционные партии, как парламентские, так и не парламентские, не нарушает этой тенденции. Причем сломить ее, как правило, не удается не только на общенациональных выборах, но и на выборах в субъектах Федерации, а также на местном уровне.

Тем не менее углубление кризиса партийной системы в условиях отсутствия проекта ее реформирования проявляется не только в снижении явки и в падении поддержки партий и представительных органов, но и в электоральных результатах на региональном уровне. С одной стороны, можно отметить достаточно высокие доли голосов, поданные за малые непарламентские партии в ряде регионов в единый день голосования в сентябре 2018 г. Прежде всего это электоральный успех партии «Коммунисты России», прошедшей в региональные законодательные собрания Ненецкого автономного округа (с результатом 5,3%), Ростовской области (с результатом 5%), Ульяновской области (5,8%) и Республики

[1] Доверие институтам власти // Пресс-выпуск Левада-центра. – 02.11.2012 [Электронный ресурс]. –URL: http://www.levada.ru/2012/11/02/doverie-institutam-vlasti/ (дата обращения: 21.11.2018).

[2] Социологи заявили о снижении доверия граждан РФ к институтам власти // ИА REGNUM. – 4.11.2018 [Электронный ресурс]. – URL:https://regnum.ru/news/2494482.html (дата обращения: 21.11.2018).

[3] Рейтинг политических партий Всероссийский центр изучения общественного мнения. официальный сайт. [Электронный ресурс]. –URL: https://wciom.ru/news/ratings/elektoralnyj_rejting_politicheskix_partij/ (дата обращения: 10.03.2019).

Хакасия (8%)[1]. Также в отдельные региональные законодательные собрания прошли «Партия пенсионеров», «Патриоты России», «Родина» и Партия КПСС. Ситуативным фактором успеха этих партий, возможно, является рост протестных настроений в связи с недовольством пенсионной реформой. Однако можно отметить и вероятность того, что таким образом проявляется более глубокая проблема несоответствия системы парламентских партий и представляемой ими повестки интересам избирателей. В этом случае голосование за любые партии, кроме правящей, можно рассматривать как стратегическое, позволяющее выразить несогласие с олицетворяемым ею курсом.

В пользу этой точки зрения говорят и достаточно неожиданные результаты губернаторских выборов осени 2018 г., в ходе которых кандидатам от КПРФ и ЛДПР удалось создать серьезную конкуренцию кандидатам «партии власти». В Приморье кандидат КПРФ получил 24,3% голосов, пройдя во второй тур при явке 24% избирателей, в Хакасии же кандидат КПРФ уже в первом туре обогнал инкумбента, набрав 44,81%, а во втором туре оказался единственным кандидатом, получив поддержку 57,8% проголосовавших избирателей. Во Владимирской области кандидат от ЛДПР в первом туре выступил практически наравне с инкумбентом, а во втором туре получил приоритет – 57% голосов. А в Хабаровском крае кандидат от ЛДПР также осуществил отрыв от инкумбента во втором туре, набрав почти 70% голосов[2].

Результаты электоральных процессов осени 2018 г. свидетельствуют о том, что даже слабая партийная система может быть использована как институциональный канал для выражения неудовлетворенности политическим курсом. В территориально ограниченных рамках субъектов Федерации подобные процессы не привели к серьезным конфликтам, но при использовании такой модели электорального поведения на общенациональных выборах партийная система может быть серьезно дестабилизирована непредсказуемым изменением партийного состава парламента. Если целью трансформации партийной системы является создание прочных связей между сегментами электората и определенным кругом партий, ориентированных на конструктивное сотрудничество в рамках законных процедур, то экспрессивное протестное голосование скорее нежелательно, так как может стать трамплином для популистских сил, не обладающих постоянной электоральной базой и политической ответственностью.

Результаты выборов 2018 г. способствовали оживлению дискуссии о

[1] Информация о выборах и референдумах // Центральная избирательная комиссия РФ. официальный сайт [Электронный ресурс]. – URL: http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom (дата обращения: 10.03.2019)

[2] Информация о выборах и референдумах // Центральная избирательная комиссия РФ. официальный сайт [Электронный ресурс]. – URL: http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom (дата обращения: 10.03.2019)

возможных путях реформирования партийной системы. Одним из обсуждаемых вариантов является создание новых партийных проектов как на основе существующих партий, так и за счет строительства новых[1]. Представляется, что такая стратегия вряд ли может быть эффективной в долгосрочной перспективе, поскольку практика административного вмешательства в партийное строительство не решает одной из главных проблем российской партийной системы – формирования связей между партиями и широкими слоями граждан.

Выводы

Таким образом, несмотря на стабильность и узнаваемость основных партий, партийная система Российской Федерации переживает определенный кризис, во многом обусловленный выбранной в самом начале демократизации институциональной моделью. Сегодня «Единая Россия», как партия власти, служит центром притяжения для самых разнообразных групп интересов, но, занимая доминирующую позицию, она неизбежно бюрократизируется и теряет идеологическую определенность. Миноритарные же члены российского партийного картеля погружаются в застой: электораты этих партий размыты, харизма их лидеров ослаблена, а политические позиции порой неразличимы. Их партийные бренды сформировались в совершенно иных политических условиях. Слабость оппозиции может негативно сказаться на имидже и легитимности правящей партии, победы которой обесцениваются, а также на легитимности парламента. Проявляется риск, связанный с возникновением запроса на политическую альтернативу, которая может оказаться радикальной и инициативной. В этих условиях актуальной задачей является широкое общественное обсуждение перспектив партийной системы, необходимое для поиска такого решения проблемы, которое позволит выйти за пределы существующей модели партийной политики осуществляемой преимущественно, с использованием методов прямого регулирования, и, возможно, создать более конструктивные основы взаимодействия между государством и обществом в рамках партийной системы.

Библиография/References:

1. Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня: мировой обзор / пер. с англ. А.С. Богдановского, Л.А. Галкиной; науч. ред. перевода М.В. Ильин, А.Ю. Мельвиль. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 537 с.

2. Ачкасов В.А., Грызлов Б.В. Институциональный контекст в деятельности

[1] Винокуров А. Обновленная Госдума: зачем России новые партии // Интернет-издание gazeta.ru 31.10.2018 [Электронный ресурс] – URL: https://www.gazeta.ru/politics/2018/10/28_a_12038623.shtml?updated (дата обращения: 15.02.2019)

российских партий: проявившиеся эффекты // Санкт-Петербургский политологический журнал. – № 2 (05.2001). – URL: http://politjournal.spb.ru (дата обращения: 2.11.2015)

3. Булдаков В. П. Российская многопартийность: иллюзии прошлого, химеры современности // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 4. – С. 100–114.

4. Голосов Г.В. Партийные системы стран мира: региональное и хронологическое распределение, модели устойчивости // Политическая наука. – 2012. – № 3. – С. 71–104.

5. Голосов Г.В., Лихтенштейн А.В. «Партии власти» и российский институциональный дизайн: теоретический анализ // Полис. Политические исследования. – 2001. – № 1. – С. 6–15.

6. Гудков Л., Дубин Б. Посттоталитарный синдром: «управляемая демократия» и апатия масс // Пути российского посткоммунизма: Очерки / под ред. М. Липман и А. Рябова; Моск. Центр Карнеги. – М.: Изд-во Р. Элинина, 2007. – С. 8–63.

7. Кац Р. С., Майр П. Картельная партия: пересмотр концепции // Прогнозис. – 2009. – № 3-4(19). – С.169–194.

8. Кулик А.Н. Партийная демократия для России: встреча с будущим или ушедший поезд? // Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: Век, десятилетие, год / Под общ. ред. Т.И.Заславской. – М.,1999. – С. 61–79.

9. Липсет С.М. Политический человек : социальные основания политики / пер. с англ. Е. Г. Генделя, В. П. Гайдамака, А. В. Матешук. – М.: Мысль, 2016. – 612 с.

10. Макаренко Б. И., Локшин И. М. Современные партийные системы: сценарии эволюции и тенденции развития // Полис. Политические исследования. – 2015. – № 3. – С. 85–109.

11. Малинова О.Ю. Партийные идеологии в России: атрибут или антураж? // Полис. Политические исследования. – 2001. – № 5. – С. 97–106.

12. Пастухов В.Б. Шаг назад, два шага вперед. Русское общество и государство в межкультурном пространстве // Полис. Политические исследования. – 2005. – № 6. – С. 66–91.

13. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века / Пер. с англ. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. – 368 с.

14. Sartori G. Parties and Party Systems: A Framework for Analysis. – ECPR Press, 2005.

1. Almond, G., Paujell, Dzh., Strom, K., Dalton, R. (2002) Sravnitel'naja politologija segodnja: mirovoj obzor [Comparative Politics Today] / per. s angl. A.S. Bogdanovskogo, L.A. Galkinoj; nauch. red. perevoda M.V. Il'in, A.Ju. Mel'vil'. – M.: Aspekt Press. – 537 p. (In Russ.)

2. Achkasov, V.A. Gryzlov, B.V. Institucional'nyj kontekst v dejatel'nosti rossijskih partij: projavivshiesja jeffekty [Institutional context in the activities of Russian parties:

apparent effects] // Sankt-Peterburgskij politologicheskij zhurnal [St. Petersburg Political Science Journal]. – № 2 (05.2001). – URL: http://politjournal.spb.ru (data obrashhenija 2.11.2015) (In Russ.)

3. Buldakov, V.P. (2016) Rossijskaja mnogopartijnost': illjuzii proshlogo, himery sovremennosti [Russian multi-party system: illusions of the past, modern chimeras] // Polis. Politicheskie issledovanija [Polis. Political Studies]. – № 4. – P. 100 – 114. (In Russ.)

4. Golosov, G.V. (2012) Partijnye sistemy stran mira: regional'noe i hronologicheskoe raspredelenie, modeli ustojchivosti [Party systems of the world: regional and chronological distribution, models of sustainability] // Politicheskaja nauka [Political Science]. – № 3. – P. 71 – 104. (In Russ.)

5. Golosov, G.V., Lihtenshtejn, A.V. (2001) «Partii vlasti» i rossijskij institucional'nyj dizajn: teoreticheskij analiz ["Party of Power" and the Russian institutional design: a theoretical analysis] // Polis. Politicheskie issledovanija [Polis. Political Studies]. – № 1. – P.6– 15. (In Russ.)

6. Gudkov, L, Dubin, B. (2007) Posttotalitarnyj sindrom: «upravljaemaja demokratija» i apatija mass [Posttotalitarian syndrome: “managed democracy” and apathy of the masses] // Puti rossijskogo postkommunizma: Ocherki [Ways of Russian Post-Communism: Essays] / pod red. M. Lipman i A. Rjabova; Mosk. Centr Karnegi. – M.: Izd-vo R. Jelinina. – P.8– 63 (In Russ.)

7. Katc, R.S., Majr, P. (2009) Kartel'naja partija: peresmotr koncepcii [Comparative Politics Today [Cartel party: concept revision] // Prognozis [Prognosis]. – № 3-4(19). – P.169– 194. (In Russ.)

8. Kulik, A.N. (1999) Partijnaja demokratija dlja Rossii: vstrecha s budushhim ili ushedshij poezd? [Party democracy for Russia: meeting with the future or a departed train?] // Kuda idet Rossija?.. Krizis institucional'nyh sistem: Vek, desjatiletie, god [Where is Russia going? .. The crisis of institutional systems: Century, Decade, Year] / Pod obshh.red. T.I.Zaslavskoj. – M. – P.61– 79 (In Russ.)

9. Lipset, S.M. (2016) Politicheskij chelovek: social'nye osnovanija politiki [Political man. The Social Bases of Politics] / per. s angl. E. G. Gendelja, V. P. Gajdamaka, A. V. Mateshuk. – M.: Mysl'. – 612 p. (In Russ.)

10.Makarenko, B.I., Lokshin, I.M. (2015) Sovremennye partijnye sistemy: scenarii jevoljucii i tendencii razvitija [Modern party systems: evolution scenarios and trends of development] // Polis. Politicheskie issledovanija [Polis. Political Studies]. – № 3. – P. 85– 109. (In Russ.)

11.Malinova, O.Ju. (2001) Partijnye ideologii v Rossii: atribut ili anturazh? [Party ideologies in Russia: attribute or entourage?] // Polis. Politicheskie issledovanija [Polis. Political Studies]. – № 5. – P. 97– 106. (In Russ.)

12.Pastuhov, V.B. (2005) Shag nazad, dva shaga vpered. Russkoe obshhestvo i gosudarstvo v mezhkul'turnom prostranstve [Step back, two steps forward. Russian

society and state in intercultural space] // Polis. Politicheskie issledovanija [Polis. Political Studies]. – № 6. – P. 66– 91. (In Russ.)

13.Hantington, S. (2003) Tret'ja volna. Demokratizacija v konce XX veka [The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century] / Per. s angl. – M.: «Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija» (ROSSPJeN). – 368 p. (In Russ.)